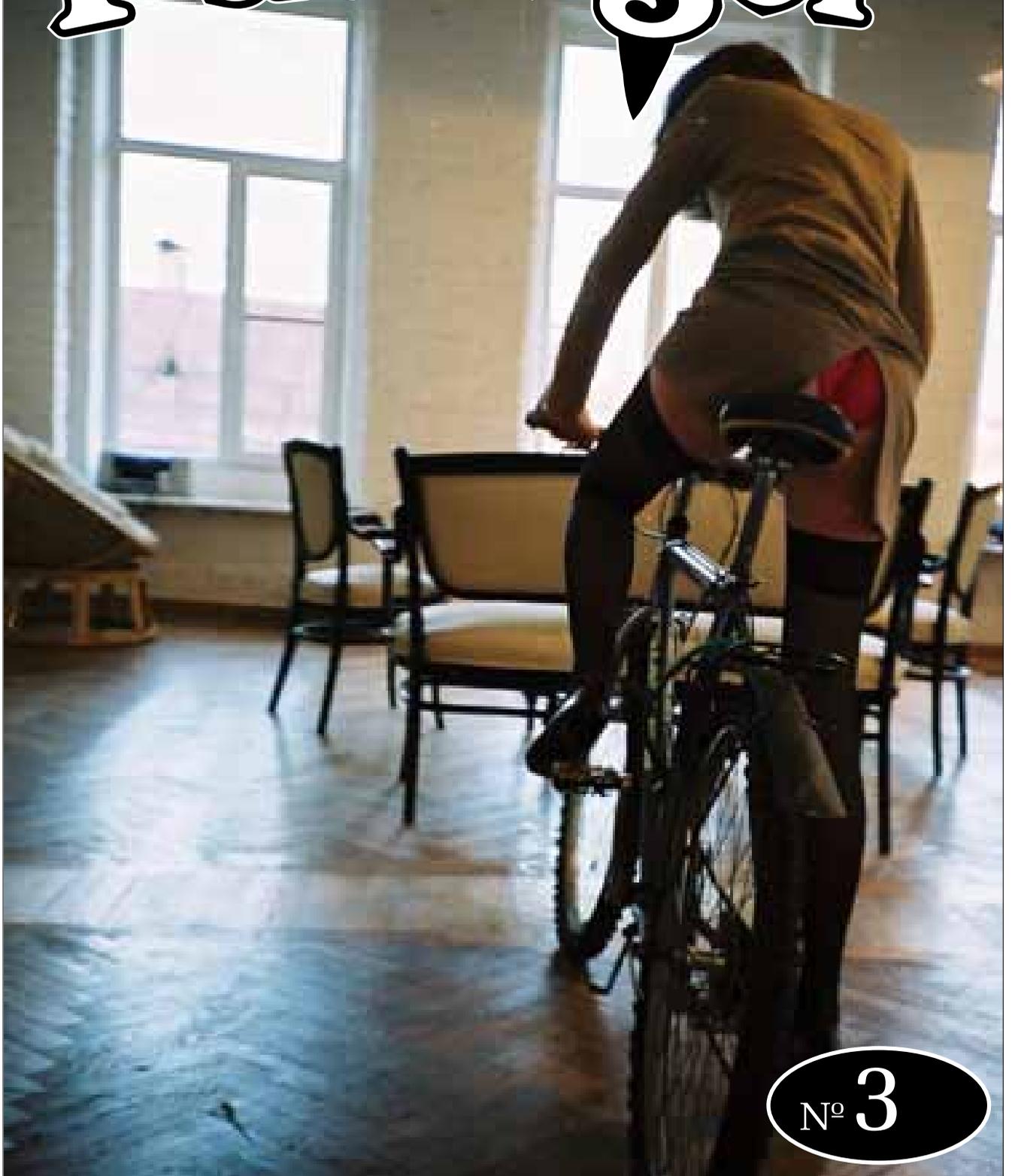

Passager

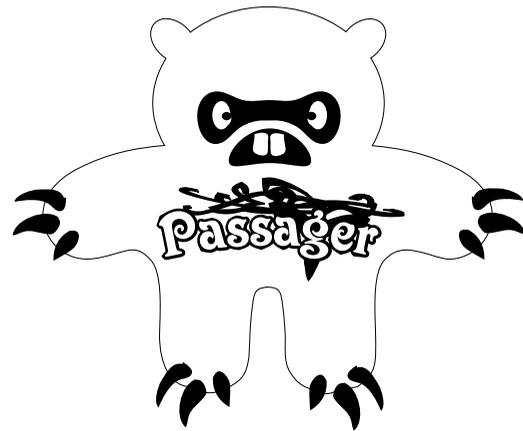
Nº 3

Passager

когда пейзаж проплывает мимо

№3

www.passager07.narod.ru

ПЕЙ заж/sage

КЛАСС ик/ic

В ТЕМУ 1/4

СЛАЙД шоу/show

НА КО вер/ver

псевдо/pseudo ТЕЛЕГА

СЛАЙД шоу/show

TUDA >>>/stop

КОНСЕРВА ция/tion

фото/photo GRAPH

video/sound ДОРОГИ

© 2006 г.

КЛАСС ИК ic КОНСТАНТИН СТАНЮКОВИЧ

Загадочный пассажир

Впервые - в газете "Русские ведомости", 1901, №349,
с подзаголовком: "Святочный рассказ"

В ночь сочельника трехмачтовый военный крейсер "Руслан" шел под всеми парусами, узлов по десяти, спускаясь к южным широтам.

"Руслан" легко рассекал воду и плавно раскачивался с борта на борт между волн, казалось, почтительно отступающих от него. Ветер был резкий, холодный, но не крепкий и ровный.

Океанская зыбь еще не улеглась. Она вздувалась, и высокие волны с однообразным тихим гулом лениво разбивались одна о другую, и пенящиеся их верхушки рассыпались алмазною пылью, облитые серебристым таинственным светом месяца

Холодом и какою-то безнадежною тоской одиночества веет и от засевшего холмистого океана, и от бесстрастно красивой луны, и от звезд, ярко мигающих с темной бездонной выси. Стоящие на вахте матросы, одетые в буршлаты поверх фланелевых рубах, словно бы поддаются тоске этой ночи. И им острее чувствуется, что жизнь их - скверная, служба - проклятая и море - постылое. Молчаливые и серьезные, они взглядывают на океан, отворачиваются от него, и в эту рождественскую ночь их еще сильнее манит

домой. И они тихо лясничают между собой о далеких своих местах.

И "Ганцаурату Кару Карычу", как прозвали матросы педантичного, хладнокровного, справедливого и добросовестно-недалекого капитана, барона Оскара Оскаровича Нордштрема, и офицерам "очертел" длинный переход. Казалось, в этот вечер большая часть офицеров, засидевшихся в роскошной кают-компании, освещенной электричеством, дольше обыкновенного, скучала и нервничала еще более, чем в прежние дни перехода из Шербурга напрямик в Батавию.

Особенно приуныли семейные.

Даже старший офицер Евгений Николаевич, красивый румяный брюнет с роскошной бородкой, блестящими зубами и золотым porte-bonheur* на руке, любивший казаться служителем сурового долга, - которому некогда скучать в море, да и неприлично - был сдержанно и достойно серьезен и задумчив.

Обыкновенно великолепный и любивший вставлять веские, авторитетные слова в общие разговоры, любезный со всеми и ни к кому не выказывавший особого рас-

* браслетом без застежки (франц.).

положения, – старший офицер молчал и думал, что встречать праздник несравненно лучше дома, в Петербурге, чем на “Руслане”, да еще с людьми, хоть и хорошими, но далеко не такими тонко чувствующими и умными, как он. И, разумеется, Евгений Николаевич не сомневался, что Вавочка, устраивая елку, поплакала о своем одиночестве и, бедная, очень горюет в разлуке.

И с наивною влюбленностью в себя он развил ее, так балует поларкаляр, что она махнула рукой на карьеру, и семья будет обеспечена. Еще бы не любить такого безукоризненного мужа, который если и изменяет супружескому долгу, то только в дальнем плавании и единственно ради здоровья! Недаром же Вавочка боготворит и смотрит ему в глаза, всегда боясь огорчить его. Она – чудная, честная женщина, разумеется, не позволит себе “подло увлечься”, как увле-

непонятой женщиной двадцатого века и не скрывала от Ивана Васильевича, что у него грубая натура, не понимающая ее возвышенной души, и что может понимать ее один только мичман Севрюгин. В утешение она прибавила, что если не оставляет Ивана Васильевича и не ищет заработка, то потому, что она – благородная женщина и не хочет огорчать мужа... Он хоть и низменно ее любит, но любит и ее же время будет пониманием другом... И, уходя в дальнее плавание, решил как бедняк, что она должна написать жену в списке, переданном мужу при проходах.

Лейтенант Вершинин, от скуки выпивавший третью бутылку портера, проговорил:

– Что, Иван Васильевич... Небось, обелке мечтаете?

– Вообще! – деликатно ответил Иван Васильевич.

– То-то вообще... И я вообще думаю, что скучища... Тоже поехал бы к знакомым на елку... А вместо этого с полуночи на вахту... Что бы нам зайтина Мыс... Там по крайней мере... англичанки...

Молодой доктор, сидевший за книгой, поднял глаза на Ивана Васильевича.

“Тоже любовь!” – высокомерно подумал доктор и собирался предложить

Ивану Васильевичу применить к нему новое средство излечения от страсти, вычитанное недавно им из медицинского журнала.

Видимо не имевшие темы для разговора два скучающие мичмана лениво перекидывались словами о том, когда Батавия и что там интересного, будут ли они произведены в Новый год в лейтенанты, сколько каждый выплыл ценза, и сели играть в шахматы.

– Что бы нам зайти на Мыс! Там по крайней мере англичанки! – раздражительно воскликнул Вершинин.

Мичманы оживленно встрепенулись. И один проговорил:

– Вот так чудесно... А то знакомься с малайками на Яве...

– И отчего в самом деле мы не зайдем на Мыс... И нам и команде следовало бы

освежиться... А то за какие вины с ума сходить от одури?

– Вам, господа, только на уме берег... Тогда не поступали бы во флот! – заметил старший офицер.

– Я и уйду из флота, Евгений Николаич!

– В чиновники? – спросил старший офицер.

– В чиновники. Дядя – товарищ мичнистра. Он устроит.

– Нынче везде без протекции ничего не получишь! – заметил Вершинин.

– Уж будто!.. Нужно и образование, и труд, и способности, – авторитетно промолвил Евгений Николаевич.

Мичман Каврайский, худой, нервный молодой человек с умными небольшими глазами, горевшими злым блеском, сидел в стороне, в кресле у фортепиано, слушал и злился. Злился и оттого, что ему противна служба и он служит, и потому, что он молод и часто кашляет, и потому, что он не знает, к чему приступить и что делать, чтобы не чувствовать постоянного компромисса, и потому, что он не может отделаться от того, что считает позорным, – от лжи, от лицемерия и зависти. Он злился, что слышит здесь одну только пошлость и никто не обращает внимания на его речи, обыкновенно останавливаемые старшим офицером. Он злился и за то, что не может написать на бумаге то, что волнует его и занимает его мысли, – о пересоздании общества, о новой этике, – и за то, что не умеет сложить стихов. Он злился и за то, что он обречен на неизвестность, и что нет у него друга, перед которым мог бы излиться...

Каврайский услышал последние слова старшего офицера, главное – этот тон, увидел красивое, самодовольное лицо.

“Экая ты великолепная скотина!” – хотел крикнуть Каврайский и, вместо этого, волнуясь, проговорил:

– Вы, Евгений Николаевич, конечно, будете адмиралом...

Выходил как будто и комплимент, но старший офицер почувствовал, что хотел сказать Каврайский, и, словно бы не слышал его слов и обратился с чем-то к доктору.

– К повороту оверштаг! Право на борт! – донесся через люк взволнованный и естественно громкий голос вахтенного

офицера.

И в эту же минуту прибежал сверху рассыльный и доложил:

– Справа шлюпка с людьми! Огонь подали. Все оживились и бросились наверх.

“Руслан” повернул к огоньку, лег в дрейф, и баркас спустили. Ехать на баркасе вызвался Каврайский. Лейтенант Вершинин, заведующий баркасом, охотно согласился. С Каврайским отправлялся доктор. Взяли одеяла и бочонок с ромом, и баркас отвалил.

– А ведь нас может и залить, доктор! – проговорил Каврайский, правя рулем и не отрывая возбужденных, уже не злых глаз с волн.

– Очень жаль, что вы окажетесь плохим моряком, язвительный мичман... У вас печень не в порядке...

– Не зальет! Людей спасем... – восторженно воскликнул мичман.

И на лунном свете его худое, некрасивое лицо казалось таким проникновенным, счастливым.

Беспокоились за баркас и на “Руслане”. И белокурый барон говорил старшему офицеру с едва тревожной нотой в голосе:

– Надо было послать баркас, но если основательно сообразить, то, пожалуй, и не следовало бы...

– Уже поздно теперь соображать, барон!..

– О, нет. Сообразить всегда необходимо, Евгений Николаевич!.. Положим, Каврайский – толковый офицер... Найдется в трудном положении...

Старший офицер промолчал.

– Это про что “Ганцакурат”? – тихо спрашивал унтер-офицер, подходя к рулевым на штурвале.

– Опасается за баркас.

– Зря. Ежели люди на шлюпке в океане, то по какой такой причине нашему баркасу пропасть...

– И как людей не вызволить! – промолвил старший рулевой.

– Мичман вызволит. Башковатый и отчаянный, – уверенно сказал унтер-офицер и отошел к своему месту на шканцы. Прошло полчаса. Барон то и дело взглядывал в бинокль. Ни шлюпок, ни огня не было видно. Барон вздохнул.

– Я и говорил, что надо было обсудить прежде, – снова проговорил Оскар Оскарович.

Прошло еще четверть часа.

– Сигнальщик, видишь?
– Никак нет, вашескобродие!..
– Конечно, надо было послать баркас, но... Барон речи не досказал. Он увидел в бинокль, что баркас идет к “Руслану”.

Наконец подошел баркас и был поднят. На палубу вошли десять англичан, видимо, матросов с купеческого корабля, спокойно радостных и счастливо улыбающихся, и совсем непохожий ни на моряка, ни на англичанина немолодой господин среднего роста с большой окладистой бородой, в летнем стареньком пальто, высоких сапогах и с сомбреро на красиво посаженной голове. Обличье и манера показывали интеллигентного человека. Он, казалось, был равнодушен к своему спасению.

В первое мгновение его приняли за шведа или норвежца.

Но велико было общее изумление, когда доктор весело и радостно проговорил, обращаясь к капитану и офицерам, окружившим спасенных:

– Соотечественник... Русский... Сергей Сергеевич Курганин... Пойдемте,

Сергей Сергеевич... Сейчас чаю и закусить...

– А поместитесь ко мне, Сергей Сергеевич! – воскликнул Каврайский, весь мокрый.

Все радостно жали руку бородатому господину. Со всех сторон слышались восклицания:

– Как сюда попали?

– Откуда?

– Куда шли?

– На каком пароходе потерпели крушение?

– Потом расскажете мне подробно, Сергей Сергеевич... А пока отдохните после этого ужасного испытания! – говорил капитан.

Курганин слегка приподнимал сомбреро, показывая кудрявые, сильно засевшие волосы, и не выказывал никакой радости от того, что находится среди любезных соотечественников, и на все вопросы отвечал коротко и даже суховато: “Шел из Вальпараисо[356] на грузовом английском пароходе. Вчера ночью он сгорел. Все спаслись и успели взять свои вещи. Другая шлюпка с капитаном и штурманом ночью разлучилась...”

Затем Курганин пошел за инженер–ме-

хаником и Каврайским в кают–компанию.

Всем бросилось в глаза это равнодушие Курганина, и его посещение Вальпараисо, и какая–то сдержанность.

Особенно он удивил капитана. Подозвав доктора, он ввел его в свою каюту и тихо и несколько значительно спросил его:

– Кто такой этот господин?

– Я назвал: Курганин.

– Это я слышал, доктор. Но я бы спросил вас, какое его общественное положение, так сказать?

– Не знаю. Не спрашивал, барон... Курганин не из разговорчивых... Но по нескольким его словам видно, что он из интеллигентных людей.

– Зачем же он попал в Вальпараисо? – спрашивал капитан, и его лицо выражало недоумение.

– Верно, путешествует, барон! – нетерпеливо проговорил доктор.

– На грузовом пароходе?

– А что ж... Если нет больших средств.

– Без средств не путешествуют так далеко. Вы заблуждаетесь, любезный доктор... Я плавал много, а в отдаленных странах таких туристов я не видал. Не понимаю. Решительно не понимаю, доктор!

И, видимо старающийся понять и обеспокоенный, что не может понять, барон раздумчиво покачал головой и продолжал:

– Очень странно! “Есть много, друг Горацио...” А вы, доктор, пожалуйста, не беспокойте пассажира расспросами... И намекайте, чтобы в кают–компании были деликатны... Все–таки не наше дело, почему этот господин в Вальпараисо... Не наше... И вы, доктор, уж пожалуйста, как тоже больше статский человек, позаботьтесь о пассажире, и вообще, чтобы ему было, знаете ли, спокойно и хорошо... Мне кажется, что он болен... Такое у него лицо...

Англичане счастливы, что спасены, а он... Может быть, пожар так подействовал на него...

И, несколько конфузясь, прибавил:

– И вот что еще, доктор... Знаете, так деликатно нужно... Если пассажир, вы понимаете... без средств в путешествии, то как–нибудь... предложите ему взять в долг... Я охотно могу передать вам некоторую сумму...

У меня есть лишние сто долларов... Так

я, доктор...

Все еще ошалелые глаза барона светились выражением доброты и в то же время стыдливости, когда он прибавил:

– И, прошу вас, доктор, чтобы ни одна душа не знала!..

“Славный ты немца”, – подумал доктор и сказал:

– Будьте спокойны, барон. Но я думаю, что Курганин не возьмет... Что–то у него в лице есть... И – вы правы – нервы у него, должно быть, не в порядке.

В эту минуту вбежал рассыльный.

– Старший офицер велел доложить: прикажете сниматься с “дрейфы”?

– Разумеется... Сниматься...

И, когда рассыльный вышел, барон, любивший сообщать доктору все свои случайные недоумения, сказал:

– Вот и этих англичан... придется везти до Батавии...

– А им, барону, и Курганину нужно на мыс Доброй Надежды...

– То–то и затруднение. Я решил не заходить на Мыс... Так и доложил в Петербурге управляющему министерством... Мы можем делать шикарный переход... И адмирал мне сказал: “Ну что ж... хорошо!..” И мне хочется оправдать его слова...

– Да разве, барон, министру так и нужно, если он сказал: “Ну что ж...

хорошо...” Право, ему все равно...

– Но мне не все равно! – не без горделивости промолвил капитан. –

Правда, появилось новое обстоятельство... Эта шлюпка с русским и англичанами... В том и затруднение... Я уже решил не заходить на Мыс...

– Так завезите англичан и русского в Каптаун... И наша команда освежится... и офицеры... Да и вам, барон, надо развлечься...

– Но как же... Вдруг на Мыс...

– И, право, отлично, барон... Матросы уж затосковали... Да и кают–компания нервничает... Еще бы... Ну, я пойду, барон... Пассажира буду угощать...

– Так вы, доктор, можете по долгу службы подать мне рапорт о том, что для здоровья команды необходимо зайти на Мыс?..

– Обязательно и с восторгом, барон! – сказал доктор и, повеселевши, вышел в кают–компанию.

По случаю аврала офицеры были наверху.

Только старший механик оставался около Курганина и хлопотал, чтобы ему скорее подали закусить и чаю.

Неожиданный пассажир хоть и очень интриговал Ивана Васильевича, но уже не производил на него прежнего неприятного впечатления.

Его сухощавое и серьезное лицо, изрезанное морщинами, умное и спокойное, было не из веселых и довольных, и в его глубоко сидящих глазах было что–то тоскливое и вместе с тем непокорное. Но оно не казалось таким сурово–равнодушным и пренебрежительно–сдержанным, каким казалось всем в первый момент появления соотечественника на “Руслане”.

Но все–таки что–то странное, непохожее на других, что чувствовалось в этом скромно одетом молчаливом господине, несколько стесняло добряка Ивана Васильевича, и он деликатно не навязывался к нему с расспросами.

Старый механик то и дело пододвигал Курганину то сыр, то колбасу, то разные консервы и вино, и был очень доволен, что человек, только что выскочивший из большой опасности, сидит здесь, где тепло и светло, и уписывает все за обе щеки почти что с жадностью.

Пришел доктор и стал угощать гостя.

– Уж меня угощает господин инженер... Спасибо. Я ем за троих. Забыли взять провизию с парохода.

– И вы не ели сутки?

– Вода была...

Он потом выпил два стакана чаю и спросил:

– Вы куда идете, господа?

– В Батавию, – отвечал механик.

Несколько минут прошло в молчании. Пассажир с удовольствием пил чай.

– Ура! Идем на Мыс! – радостно воскликнул лейтенант Вершинин, входя в кают–компанию. – Сейчас барон велел переменить курс. И пообедаем же мы на берегу после подлых консервов! И увидим, доктор, женскую красоту... Там ведь англичанки. Готовьте только денежки, доктор и Иван Васильевич!

Старший механик добродушно запротестовал.

– Не врете... Я женатый...

– Скажите, пожалуйста, какой Иосиф прекрасный!..{359} Жена в Кронштадте, а вы будете в Капштадте... Наверно туда дернем. От Каптауна два шага...

И, обращаясь к Курганину, лейтенант сказал:

– Мы вас спасли, а вы – нас. Из-за вас да англичан капитан идет на Мыс... Следовательно, не спаси мы Вас, не видать бы нам англичанок... Восхищайся малайками... Так позвольте выпить за ваше здоровье... Какого вина прикажете?

– Никакого.

– Почему?

– Не пью.

– По принципу?

– Из-за печени.

– В таком случае один выпью... Ваше здоровье!

Пришли в кают-компанию и другие офицеры. Все были оживлены.

Еще бы! Через два дня моряки будут на берегу.

И по такому-то случаю кто-то велел подать бутылку шампанского.

Содержатель кают-компании приказал подать десять бутылок.

– Согласны, господа?

Все, разумеется, согласились.

Выпили за скорый приход на Мыс.

Выпили за капитана,

за кают-компанию,

за спасенного солдата,

за тост был произнесен.

Тост был произнесен, но не разделял общепринятого мнения.

Доктор и Каврайский

казался несимпатичным. Не расклевываясь на парохоме, ни о чем не заботится и зачем так выпивать?

Подвыпивший капитан

мал: “Уж не стигнет ли этого куша и не все ли ясно, что

Однако все пошло только пригубил

А Вершинин “почесал” спросил

– Мне кажется бурге?

– Возможно...

– Так... так... директором банка

– Не смеялся пассажир.

– Значит, ошибся... А очень на вас похож один директор банка...

– Если бы Сергей Сергеевич был директором банка, то не путешествовал бы на грузовом пароходе! – заметил мичман. А Каврайский озлился и хотел проучить Вершинина, но вместо этого сказал ему:

– Вы много выпили шампанского!

Молчаливый пассажир взглянул на мичмана и в глазах мелькнула ласковая улыбка.

Особенно не нравился пассажир старшему офицеру. Он сразу почувствовал, что этот господин совсем чужой и не из “порядочных” людей. Видно и по костюму, и по серой фланелевой рубашке, и по несколько грубоватым рукам.

“Да и черт знает, что это за птица? Русский – да и будь русским!

Должен почувствовать, что с русскими!.. А между тем сидит точно янки... Скотина!.. Точно не знает приличия”.

И старший офицер с усиленной любовью проговорил:

– Не будет нескромным, если спрошу, давно ли вы в России?

– Год...

– И, верно, по России?

– Нисколько! – просто и искренно от-

На Курганина косятся!

к рубрике фото/photo GRAPH

Anime

ли их, решила сделать что-нибудь серьезное.

Пассажир по-прежнему молчал.

И старший офицер не без раздражения спросил:

– Вы, верно, не согласны со мной?..

– Не согласен!

Мичман с удивлением взглянул на пассажира.

А старый механик, решивший себе кроме шампанского пить и по хересам и почувствовавший себя решительно несчастливым вдали от королевы Марго, обратившись к пассажиру и, слегка заплетая языком, проговорил:

– Сергей Сергеевич, Вы не согласны. И Ваше дело. Выпить может, и я с вами поделюсь, если узнаю, почему вы не согласны... Но вот мы здесь... Черт знает где, вы чуть не погибли. Так неужели вас не тянет в Россию... к домашнему очагу?.. А я так сейчас бы в Кронштадт... Извините, Сергей Сергеевич... Сию минуту...

– Да у меня семейного очага нет, Иван Васильич! – промолвил пассажир.

– Вы, верно, спать хотите, Сергей Сергеевич? – с дипломатической целью спросил доктор.

– И очень.

С этими словами пассажир встал и, сделав общий поклон, ушел в каюту в сопровождении Каврайского.

Когда шампанское было выпито и пора было расходиться, старший офицер не без таинственности произнес:

– А ведь загадочный пассажир!

Почти все согласились, что загадочный.

Были разные предположения: или у пассажира на душе преступление, или он – государственный преступник, бежавший из Сибири, или политически неблагонамеренный человек.

Доктор и Каврайский протестовали против всех предположений.

– Но кто же он такой? – допрашивали офицеры.

– Отчего не объяснит, кто он?

В течение двух дней пассажир сидел в каюте и что-то писал. В кают-компании он по-прежнему был малоразговорчив и на вопросы отвечал лаконически. От

На Курганина косятся!

предложения доктора дать взаймы он отказался.

Он поблагодарил доктора и сказал:

– Я могу зарабатывать везде... А у меня теперь скромные привычки!

Пассажир заинтересовал всех офицеров. А старший офицер даже начинал трусить. И перед приходом в Каптаун доложил и без того озабоченному капитану:

– Как бы чего не вышло, барон... Если пассажир и вдруг... опасный злоумышленник.

– Так нам какое дело... Мы спасали человека в море! – негодуя сказал барон.

– И почему он должен быть злонамеренным?

Однако и барон был смущен. Ведь в самом деле он так и не знает, кто же у него пассажир. Надо же обозначить в рапорте, какого звания спасенный...

– Как же выйти из этого затруднения? – спрашивал барон.

– Очень просто. Спросите у пассажира... И пусть покажет паспорт...

– Пфуй, как вам не стыдно, Евгений Николаевич! Пфуй! Schande!..* Я и так поверю, что он скажет... И по долгу службы спрошу... И запишу, как он покажет...

Когда “Руслан” бросил якорь и пассажир пришел проститься с капитаном, барон крепко пожал руку Курганина, пожелал всего лучшего и, краснея, прибавил:

– Извините... Мне придется написать в рапорте, кого нам бог привел встретить в океане и отвезти в Каптаун... Ваше звание... или чин... или... ну, как вам угодно, Сергей Сергеевич... А мне никакого нет дела... извините... Или..

Пассажир улыбнулся и подал свой заграничный паспорт.

– О, мне не надо... Не надо...

– Так, верно старшему офицеру необходимо. Не угодно ли...

Старший офицер взял и прочитал:

“Отставной статский советник князь Сергей Сергеевич Курганин”.

Евгений Николаевич, несколько сконфуженный, возвратил пассажиру паспорт.

Курганин простился с офицерами и с некоторыми матросами и уехал на берег.

Когда все офицеры узнали, кто был пассажир, он сделался во мнении всех еще более загадочным.

Трехмачтовый
военный крейсер
“Руслан”
100% похож на
этот кораблик.
Размером уж
точно в аккурат.

Passager:

И ♥ Огни Кенбери

ЮЖНАЯ

DMITRY IGNATIEV

Engineer

R&D Group S/W Lab.3

Mobile Communication Division

Telecommunication Network

SAMSUNG ELECTRONICS CO.,

#94-1, Imsoo-Dong, Gum

Gyeng-Buk, Korea. 730-35

НАКО

вёр
ver

Давай я тебе денег пришлю, занимайся чем хочешь, и не напрягайся насчет работы. Работа – выдумки капиталистов. Нечего не хочется – это хорошо, это у нас семейное, значит растешь.

txt, photo: IGNAT

*Гате, гате, парагате,
парасамгате, бодхи, сваха*

Переведешь?

*Гать – это лесной путь,
старое русское слово :-))*

Просто в древнем русском, особенно в моей области много слов из санскрита. Я это перевел без словаря, а ты сможешь? Я сам из Вологды, и кое-что помню. И кстати в школе немного читал старые книги, еще без гласных. В Вологде много монастырей, я все в них тусовался, поэтому и читал в музее книги на древнерусском.

Ездил в Сеул хорошо погулял. Купил барабан и дудочку. Попил пива. Еще я хочу сказать, что славянская культура круче и древнее. Сейчас вот старославянский просматриваю. Жаль, но в старых книгах только христианская точка зрения отражена. А другие источники видимо уничтожены.

В самом сердце Кореи, ровно посередине пути между двумя самыми большими городами Кореи (Сеулом и Пуссаном) находится небольшой город Гуми. Со всех сторон он окружен живописными горами, в которых издревле скрываются буддийские монастыри.

Корейцы это очень современная нация. Например их письменность самая молодая и самая научная, из всех что я встречал в жизни. Хангыль (современный алфавит) был изобретен в 1443 году группой ученых, которым покровительствовал правитель Сечжон. Он состоит целиком из символов изображающих гортань говорящего :-).

Очень многое можно сделать через интернет, практически все, что касается официальных процессов: движение денег, движение информации, движение ресурсов. Работа на хорошей корейской фирме, на стадии обучения напоминает хэкеран. Люди приходят в строго отведенное время, или их доставляет автобус, который отходит с точностью до 10 секунд. Едят группами, строго согласуя с лидером свои действия. Технологические операции по очистке посуды также продуманны. Далее строго по расписанию рабочее время с периода-

DMITRY IGNATIEV
Engineer

ми отдыха. Во время работы на стадии обучения люди приучаются самостоятельно работать с информацией и новыми системами. В удобное для лидера время происходят консультации и корректировка задания. Информацию осваивают организованно. Например каждый делает доклад по одной главе из книги. На еду прерываются ровно 3 раза в день, после еды небольшое время для отдыха. В течении дня также есть время для спортивных занятий. Люди обеспечены всем необходимым для работы, в том числе самыми современными компьютерами и устройствами. Вот в таких, прямо скажем идеальных для хакера условиях, проходят трудовые будни. Причем для реальной работы требуются именно те навыки, которые может привить школа благодаря знаниям ее основателя. Эти знания - лучшая база для тех кто живет с этим. Но это только то что понимаю я, реальное знание, которое дает школа простирается гораздо дальше. И это уже - озарение, дзен. Тут я коротко описал технологию производства очень современных технологий. Надо добавить сюда любовь к компьютерным книгам, телевизионные каналы посвященные только компьютерным играм. Я их насчитал три, и множество научно-образовательных программ.

Мы переехали в новую квартиру, большую, если надумаешь приехать раньше, пиши. У нас тут до сих пор лето! Ну что еще сказать: и тайна в мире есть, и мир в твоих руках всегда. Его можно разрушить и мыслью.

R&D Group S/W Lab.3
Mobile Communication Division
Telecommunication Network Business

Не доверяй компьютерам, это не надежный способ хранения. Лучше всего мозаика из камня или камень. Можно конечно еще в воспроизводимом белке сохранять, но этого пока никто не сделал. Опасны мутации и все такое. Память человека это очень надежно. Можно все сжечь, тогда это будет записано с помощью разлетевшихся фотонов в "ткани мироздания". – Прочитать сложно. Можно на бумаге, но все равно в фотоны разлетится. Поэтому лучше понять, зачем ты сохраняешь информацию. И сколько ее надо хранить: до смерти, дольше, до сдвига северного полюса, а нужно ли? Когда поймешь, надо решить, как ты будешь сохранять? Пока еще твой сайт, это круги на воде. Потенциальное пепелище. Даже губернаторы мегаполисов дальше 400 лет не заглядывают. А вот у отца почти вечный способ сохранения – стихи. До тех пор – пока последний знающий не сойдет с ума. Вот буддисты, сделали таблички из камня и печатают их на бумаге. На камне у тебя явно денег не хватит. Значит надо

SAMSUNG ELECTRONICS CO., LTD.
#94-1, Imsoo-Dong, Gumi-City
Gyeng-Buk, Korea. 730-350

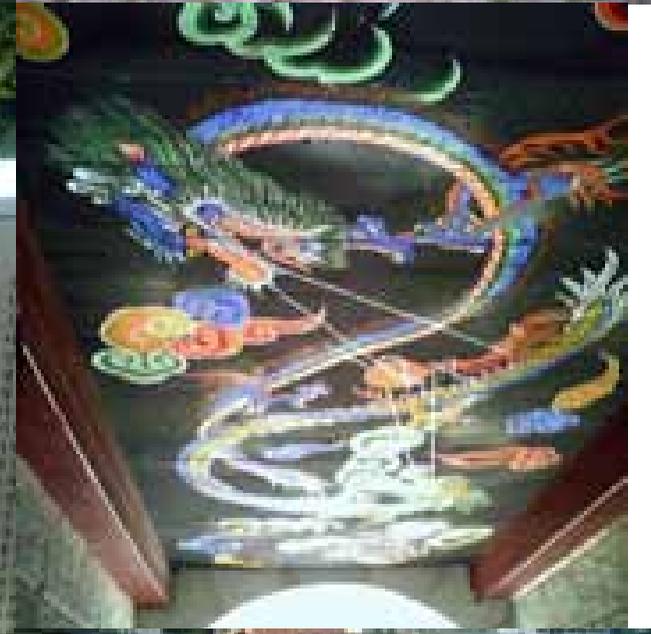
сделать на бумаге или печатать их в электронном виде. Но! Бумага горит. Можно открыть фирму, которая сайты будет ваять в камне для тех, кто сможет заплатить. А ты знаешь подходящую технологию? А еще полезна мелкая скульптура, видел в корейском музее, очень древняя. Там была фигура обнаженной женщины на четвереньках, размером с ладошку. Почему-то вспоминаются фотографии ню из интернета. Камень все таки это очень надежно. Ведь так?

Никакого скачка техники в последнее время не происходит все движется с той же скоростью что и раньше. Если потребовалось всего 800 лет от изобретения письменности до современных хранилищ информации то я думаю это очень быстро и сейчас скорее все развивается медленнее, так как многие искусственно тормозят процесс развития, придерживая кое что у себя. Да вообще-то скатерть самобранку до сих пор не изобрели. А общество, потребляющее упаковку это не прогресс.

Тусовка русских в Гуми

Черепашки и самый древний колокол Кореи

Passager_korea_ignat_2005

Гуми-стайшен просто обычная корейская улица

псевдо/pseudo ТЕЛЕГА

В Пекинском аэропорту я просидела в загоне для курьезчиков, чашки кофе не выпила. Аэропорт большой, светлый, со множеством магазинов и кафе, но нет в нем места для нас – любителей чашки черного кофе с сигаретой, и я просидела в маленькой комнатке за стеклом, куря и наблюдая за жующими пассажирами в соседнем кафе. Вскоре объявили посадку на Пхеньян. Как только мы оказались в самолете, я поняла, что нахожусь так лет 50 тому назад. Играл марш, в первом салоне сидели военные с очень суровыми лицами, в кителях зеленого цвета и золотых погонах, по мере нашего продвижения в хвостовую часть публики становилась попроще. Зеленые кителя сменились на черные, я обратила внимание на двух нарядных девочек-кореенок лет 12 и 6, абсолютно одинаково одетых: в клетчатых платьях с белыми накрахмаленными воротничками, лаковых туфельках и белых колготках, которые летели в сопровождении пожилой женщины. Не было сомнений, что я нахожусь в обществе счастливых, видевших другой мир, пусть, быть может, и ограниченный Великой китайской стеной. Больше всего мне понравились стюардессы, будто сошедшие со страниц книги «О вкусной и здоровой пище» 1953 года. Румяные, с высокими прическами, красными бантами, завязанными у шеи, в темно-синих жилетках, одетых поверх белых блузок. У всех пассажиров-корейцев на правой груди был значок с улыбающимся Ким Ир Сенем.

Объявили взлет. Летели полтора часа. За это время я просмотрела от корки до корки журнал «Корея»: портреты передовиков производства, демонстрации, речи товарища Ким Чин Ира. В рубрике магазинов меня привлекли фотографии тканей, спадающих с потолка и лежащих огромными рулонами на прилавках, что напоминало мне 80-е, мои походы с мамой в ДЛТ, где все выглядело так же бесцветно и убого. Из европейцев с нами летели англичане и парочка странных русских с огромной клетчатой сумкой. Кормили курицей с рисом, поили чаем. Заполнили карточку здоровья, которую буквально вырвал у меня из рук, по прилету в Пхеньян, тощий кореец в белом халате. «Наверное, врач», - подумала я, - «такие врачи опыты над людьми ставят». Уж очень он был строг, сух и резок.

В Пхеньяне было жарко. В аэропорту всюду военные, мы встали в очередь на таможенный досмотр. Когда дошла очередь до меня, мне достаточно грубым жестом было приказано поднять руки вверх и прокрутиться вокруг своей оси, что я успешно проделала. У всех иностранцев изъяли мобильники. Выглядела я, наверное, очень испуганной, стоящий рядом англичанин стал успокаивать меня: «Телефоны вернут, Вы, главное, расписку не потеряйте». Похлопал меня по плечу.

На выходе нас встретили две женщины и шофер. Одна кореянка была очень стройная, интеллигентная, лет 40, другая простоватая, с приплюснутым носом, суетливая.

Шофер похож на артиста Збруева (если бы последний был корейцем) и звали его товарищ Ли. Встречающих машин было мало: наш микроавтобус и еще парочка мерседесов. В один из которых сел очень важный военный, а в другой пожилая кореянка с двумя девочками. Мы поехали по дороге ведущей в Пхеньян. Интеллигентную звали Гунь Линь, крестьянку Гунь Чунь. Гунь Чунь стала рассказывать о КНДР, все время цитируя вождя Ким Ир Сена. Интеллигентная молча слушала, иногда поправляя и подсказывая коллеге русские слова. У Гунь Линь были очень узкие запястья и крепкие ладошки, которые она держала на коленях, как примерная ученица. «Наверное, у нее семья: муж, дети, о которых она заботится».

Да, Гунь Линь была заботливой матерью и любящей дочерью. Я поняла это потом, на экскурсии, в показательном колхозе. Мы ужасно замерзли, нарезая круги вокруг закрытого автобуса. Я страшно ругалась, пока не увидела товарища Ли на дереве, собирающего хурму и Гунь Линь, несущую огромный мешок с фруктами. Она улыбалась: «Это моим детям и маме, хоть фруктов поедят». Мне стало стыдно, я вспомнила себя, семи лет отроду, орущую с заломанными назад руками и мать, силой впихивающую в меня бананы. «Ешь, я три часа под дождем простояла, это витамины». Мама была разочарована. Мне не понравились бананы, они были дефицитом. Я любила мандарины, их клали в подарки под Новый год.

В Пхеньян мы приехали быстро. Улицы были пусты, на каждом перекрестке стояли молоденькие девушки-регулировщицы, в бирюзовой форме и высоких белых фуражках, когда шел дождь, они словно по волшебству оказывались в прозрачных дождевиках и белых резиновых сапожках. За все время пребывания в столице я видела не больше пяти легковых машин и зачем стояли регулировщицы, никто объяснить не мог. «Так надо», - сказала Гунь Линь. И действительно, какая разница зачем они стоят, эти фарфоровые куколочки, ритмично поворачивающие и поднимающие руки: влево, вправо, вперед, вверх.

Оказавшись в отеле «Янгакдо» и глядя из окна своего номера с 32-го этажа, я поняла, что я на Марсе. Гладь реки была словно зеркало, груды железобетонных зданий громоздились друг за другом, уходя за горизонт и над всем этим серым великолепием высилась Пирамида. По утрам город окутывали тишина и туман, накрывая щербатые асфальтированные улицы, плакучие ивы над рекой, монументы героям революции, регулировщиц, велосипедистов, спешащих на работу прохожих.

«Гунь Линь, что это за прекрасная Пирамида с краном наверху?», - спросила я за завтраком. «Товарищ Ким Ир Сен сказал, что «мы рады видеть гостей, пусть к нам приезжают и смотрят на достижения нашего народа». Это здание будет самая большая гостиница Пхеньяна». Гунь Линь любила рассказывать сказки. В детстве

псевдо/pseudo ТЕЛЕГА

такая огромная, что чувствуешь себя карликом. «Какая красивая ограда, Гунь Линь». «Да, очень красивая. Я расскажу тебе, как она появилась вокруг мавзолея. Жил царь поднебесный и были у него лебеди. И часто лебеди покидали страну поднебесную, улетаая неизвестно куда. Не нравилось это царю. И он призвал их к ответу. Лебеди рассказали, что летают на землю в прекрасную страну, где все радостны и добры. Задумался царь: «Разве может быть счастье на земле?». И однажды прилетели лебеди обратно и плача рассказывают, что на земле все полны скорби. «Умер великий вождь товарищ Ким Ир Сен». И тогда властелин поднебесья приказал вернуться им на землю и остаться там навсегда. Вот так они и оказались в ограде мавзолея». «А что рядом с мавзолеем за заросли, Гунь Линь?». «Это виноградники, их выращивал товарищ Ким Ир Сен. Жил в Корее селекционер и лет 12 не мог вывести новый сорт винограда. И вот как-то позвал его к себе товарищ Ким Ир Сен, селекционер стал жаловаться ему на свои неудачи. Тогда товарищ Ким Ир Сен пригласил прийти к нему в гости через две недели. Ученый пришел в указанный день к вождю. И повел его товарищ Ким Ир Сен к винограднику и удивился ученый – товарищ Ким Ир Сен вывел за две недели тот сорт, который не мог вывести он, селекционер, за 12 лет. Товарищ Ким Ир Сен был необыкновенным человеком», - заканчивает свой рассказ Гунь Линь.

Я любила слушать о товарище Ким Ир Сене. Через три дня я верила в необыкновенные способности вождя и правильности пути народа Северной Кореи. Мне нравилось смотреть на башню-Пирамиду. «Поскорее бы ее достроили». «А долго ее строят?». «Нет. Скоро будет готова».

14 октября мы должны были идти в мавзолей к вождю. «Мы ходим к вождю нарядные, как в гости». И по этому поводу я купила себе национальное корейское платье – чогори -из черного бархата, с красными розами и зелеными лепестками. «Японки любят легкие ткани», - заметила Гунь Линь. В ночь с 13 на 14 октября, выйдя из ванны, разложив чогори на кресле, в предвкушении праздника я включила телевизор. Шел пропагандистский фильм о счастливой жизни корейского народа: прилавки магазинов трещали под горами фруктов и деликатесов, люди словно сошли со страниц журналов 30-ти летней давности. «Старый фильм». И над всей этой спящей праздничной, сытой, городской толпой высилась прекрасная Пирамида с краном. «Долгострой, так эта башня моя ровесница, мама мне косички заплетала, а кран на башне уже стоял». Самое яркое впечатление – это посещение мавзолея. Азиаты, стоящие стройными рядами, мужчины в черных кителях, женщины в разноцветных чогори. Мое внимание привлекли развязные юнцы с разноцветными прическами, девочки, одетые в черные платья с плиссированной юбкой, напоминающие национальный костюм. «Это корейские школьники из Японии». Прежде чем попасть к святыне,

мы двигались по эскалатору, проезжали сквозь рентген, поднимались в лифте, последнее, что стояло на нашем пути, был пылесос. Зал, где лежало тело вождя, был очень величественный; стены и пол выложены черным гранитом. Ким Ир Сен возлежал в середине зала под колпаком из пуленепробиваемого стекла, и все по очереди подходили кланяться ему. Я плохо разглядела вождя, помню только, что у него была лысина. Второй зал – Зал Плача. На входе нам выдали магнитофоны и мы пошли по периметру комнаты, украшенной барельефами, на которых были изображены рвущие волосы крестьяне, катающиеся по полям, ревущие дети, особенно поразило меня изображение рыдающего инженера с пульманом под мышкой. Я сняла наушники и слушала, как группе корейцев из глубинки экскурсовод с надрывом вещала о смерти вождя. Третий зал – зал наград товарища Ким Ир Сена. Были там роскошные африканские ордена и знаки отличия, награды советского правительства, азиатских стран и, чем меньше была страна, тем больше бриллиантов и изумрудов было на медалях. В четвертом зале стоял вагон, на котором путешествовал товарищ Ким Ир Сен. В нем был зал для заседаний и комнатка для личного пользования.

Второе посещение – кладбище героев и памятники вождю, у подножия которого было тысяча букетов от трудящихся. «Молодые люди приходят сюда перед работой, возложит букет цветов и подмести». Памятник огромный, из меди цвета золота, на заднем плане – мозаичное панно с изображением священной горы.

Наша группа сопровождения, все время нашего пребывания в Корее, не отлучалась от нас ни на шаг. Я даже в туалет ходила в сопровождении Гунь Чунь. Это было очень трогательно. «Хотела бы я, чтобы во время моего путешествия по Европе обо мне так же заботились», - абсолютно искренне говорила я.

Четвертое наше посещение было мавзолей подарков товарищу Ким Ир Сене. В мавзолее 200 комнат. Чего там только не было: от бессмысленных безделушек до мерседесов, телевизоров, спальных гарнитуров в барочном стиле. В одной из залов стояла восковая фигура вождя, когда мы вошли, «крестьянка» резко одернула мои руки из карманов и мы минуту простояли на вытяжку перед восковой куклой, на последок поклонясь ей в пояс. В мавзолее была терраса, с которой открывался красивый вид на гору. Был октябрь, деревья меняли цвет от буро-красного до желтого, тишина, голубое небо. Мы выпили по чашечке кофе, покурили.

Когда я смотрела на товарища Гунь Ли, мне казалось, что она всегда о чем-то мечтает. А о чем может мечтать замужняя женщина, мать двоих детей? Только о другой сказочной жизни, совсем не похожей на ее существование.

В. заигрывал с Гунь Линь, за что я его ругала. Потому что девушки и даже замужние женщины в Северной Корее чистые и неопытные, открытые и любопытные до

всего иноземного. И глаза корейских официанток – это глаза девы Марии. «И я была такая же любопытная и невинная», - думала я, глядя на официантку, заливающую красным румянцем от слов В. Он – подлец – выучил по-корейски фразу: «Вы прекрасны, я Вас люблю» и говорил ее при первом удобном случае, наслаждаясь эффектом от произносимых слов.

Пятое посещение – цирк. Я никогда раньше не была в азиатском цирке. Да и цирк я не очень люблю. Помню, когда мне было лет 7-8, мы с бабушкой и братом пошли на представление, и к нам привязался клоун. Он прыгал на колени к бабушке, очень миниатюрной, интеллигентной женщине с прической пейсами и орал что-то невразумительное. В антракте люди показывали на нас пальцами и говорили: «Это подсадные». Арена цирка была маленькой, как в кукольном домике. «Это корейский военный цирк», - уточнила Гунь Линь. За ареной занавес, на которой проецировался экран. Каждое выступление сопровождался соответствующей картинкой. Звучит лирическая музыка, гимнастки в белых костюмах летают под куполом, на экране заснеженный дом с горящим окном. «О чем поется в песне?», - шепчу я Гунь Линь. «Зима. Падает снег, все спят ночью. Снежинки, снежинки, скажите товарищу Ким Ир Сене, пусть он отдохнет. Он так много работает, пусть товарищ Ким Ир Сен поспит».

Какая милая Гунь Линь. Она сказала В., что хочет быть похожей на меня, потому что я веселая, открытая и независимая. Бедная, бедная Гунь Линь, я ведь тоже бываю очень грустной. В ее спокойном взгляде я чувствовала

псевдо/pseudo ТЕЛЕГА

скрытые желания. Что я знаю о ней? Вышла замуж в 18 лет, познакомилась с мужем по переписке, он учился в России. Сделал предложение, пошла. В Корее запрещены аборты и разводов нет (как нам сказали), все было предрешено. Но в душе коммунистки Гунь Линь жила жажда страстей, приключений, может быть адюльтеров. Ничто и никто не выбьет из женщины желание быть любимой, прекрасной, свободной, в каком бы ряду не была бы она: в парандже, в армейской форме, в строгом кители, со значком на левой груди, с улыбающимся вождем – под ним бьется строптивное сердце и живет неукротимая душа, ждущая любви, жаждущая свободы. Ее терзали сомнения, она была любопытна до всего: от современного устройства России до стоимости космических услуг. Фривольные ухаживания В. она принимала с легким кокетством, не переходя границ. «Я – корейская женщина». И я не удивилась, что Гунь Линь не пришла к В. на ночь в номер. Она и не должна была прийти, это было не важно. Важно было лишь, что она понравилась иноземцу, а я всю ночь промучилась в номере с К., так и не уснув от его храпа.

Улетали мы ранним, туманным утром. Рейс задерживали. В. подарил Гунь Линь на прощание золотое кольцо с маленьким прозрачным камнем, украдкой поцеловал ее в щеку. Гунь Линь сделала шаг назад, рядом стоял военный, не отрывающий взгляд от них. Сказала, что прилетит в декабре. Последнее, что я помню – ее лицо в толпе провожающих. Она так и не прилетела к нам в Петербург и фотографии мы не отослали, нет в Корее e-mail'ов и позвонить некуда. Где ты, Гунь Линь?

А может это тоже качели. Из детства. Речь пойдет о езде на велосипеде.

Важен грунт по которому ты едешь, неровности дороги. Иногда мягкий грунт – смесь песка и пыли, иногда – асфальт. Бугорки используешь для виражей, а центростремительные силы всегда удержат твоё равновесие. Сыпучие поверхности перемежаются с накатанной колеёй, напряжение в мышцах естественным образом, без переключения скоростей, пульсирует в едином ритме с дорогой. Дыхание дороги. Бугорки и ямки твоими усилиями сбиваются в гармонии и ритмичные лады, сродни музыкальным произведениям. А по асфальту легко ездить «без рук». Ребячество? Как в том же детстве, колесишь с ватагой мальчишек на «великах» по окрестностям микрорайона!

Далее – упругость воздуха. Кожа на лице очень тонкий измерительный прибор, и улавливать «колебания стрелки» приятная забава.

Балансировка телом. Как это? Очень просто. Не сидеть на седле как на стуле и не цепляться мертвой хваткой за руль, а легко «парить между небом и землей», играть позвоночником. Позы «кошки» и «кобры», вернее та их часть, имеющая отношение к спине, – по-прежнему «несут вахту».

Пейзаж. С ним особые отношения. То, на что «глазеешь» и «нюхаешь» по сторонам – само собой. Прежде всего, хотелось бы спровоцировать неод-

нородность окружающей картинке. Приготовление салата, вот на что это похоже! Хороши любые блюда: острые, соленые, кислые, сладкие! Гурманство приходит с опытом. «Въехать» в пейзаж! Пригодятся любые сведения: история местности и окружающих строений или ботаника. Но всему есть предел – быть маститым краеведом – явный перебор. Не стоит глубоко погружаться, а то забываешь про грунт, неровности дороги и все остальное.

Особое удовольствие перемещаться по карте! Картинка получается более цельной. Перебросится парой слов с аборигенами – не помешает. А так же обязательно перекусить в какой-нибудь «забегаловке». Следовать порывам души. Останавливаться – ехать, ехать – останавливаться, «сплошная черта» – «черта с просветом».

Направление. Очень тонкий момент. Иногда стоит остановиться и прислушаться... В группе мастера передают это право новичкам. Управление вниманием. Перебрасываться незначительными фразами с попутчиками или беседовать по ходу движения – особое искусство.

Темп. Как чувствуешь!

Сборка. Сопоставление до и после... Связь с предыдущими вылазками и не только. Фрагменты фраз, текстов, изображений, впечатлений, ощущений – все идет в дело. Ставятся «маячки».

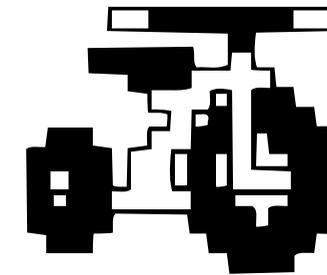
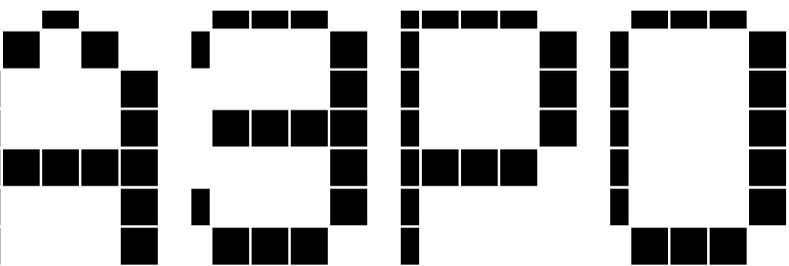

photo: SergPo, txt: EDICH

environs trip (bike)

Рядом с воротами в никуда забора не было. И мы стояли там и улыбались. А здесь забор. Но за ним благородные животные. Белый конь, умный пес. Мы не можем туда проникнуть. Замок? Зеркало! В зазеркалье тоже вход запрещен. Мой друг по гороскопу собака, а я лошадь. Полюбовались отражением и поехали дальше. Мы добрые, благородные и белые. Да, и еще пушистые. Мир, за ржавыми воротами, отражает наши улыбки, он как мы.

Ворота в никуда. Старые ржавые. Рядом велики, притуленные к решетке створ. Какого черта мы сюда приехали? Поле? Солнце? Ветки деревьев? Кусты? Стоим на тропе. Мимо проходит чета с лайкой Агатом. Тропа прямая, вдоль канавы, тянется далеко. Проводили Агата, взглядом. Хозяйка предупредила – Он злой!

Равновесие? Гармония? Мы улыбаемся. Наверно так.

Только что мы стояли у других ворот. Они оказались закрыты. За воротами конюшня. Ведут за узды коня, белого. Машины, оставленные работниками: две “Волги” – ГАЗ–21, старый “Москвич”. К нам приблизились сторож и его верный пес Джин. Очень благородный пес: осанка, взгляд, молчит. Перекинулись со сторожем парой фраз. Вот ключ: Раньше заборов не было, теперь они есть, и туда нельзя. Не было бы сторожа, пес пропустил бы. Ему нежаль, пожалуйста! Благородство. А заборы для людей.

Когда друг подъехал к месту встречи, его первая фраза: “Ты такой белый!” – еще ничего не значила. На мне были синяя куртка и штаны кирпичного цвета.

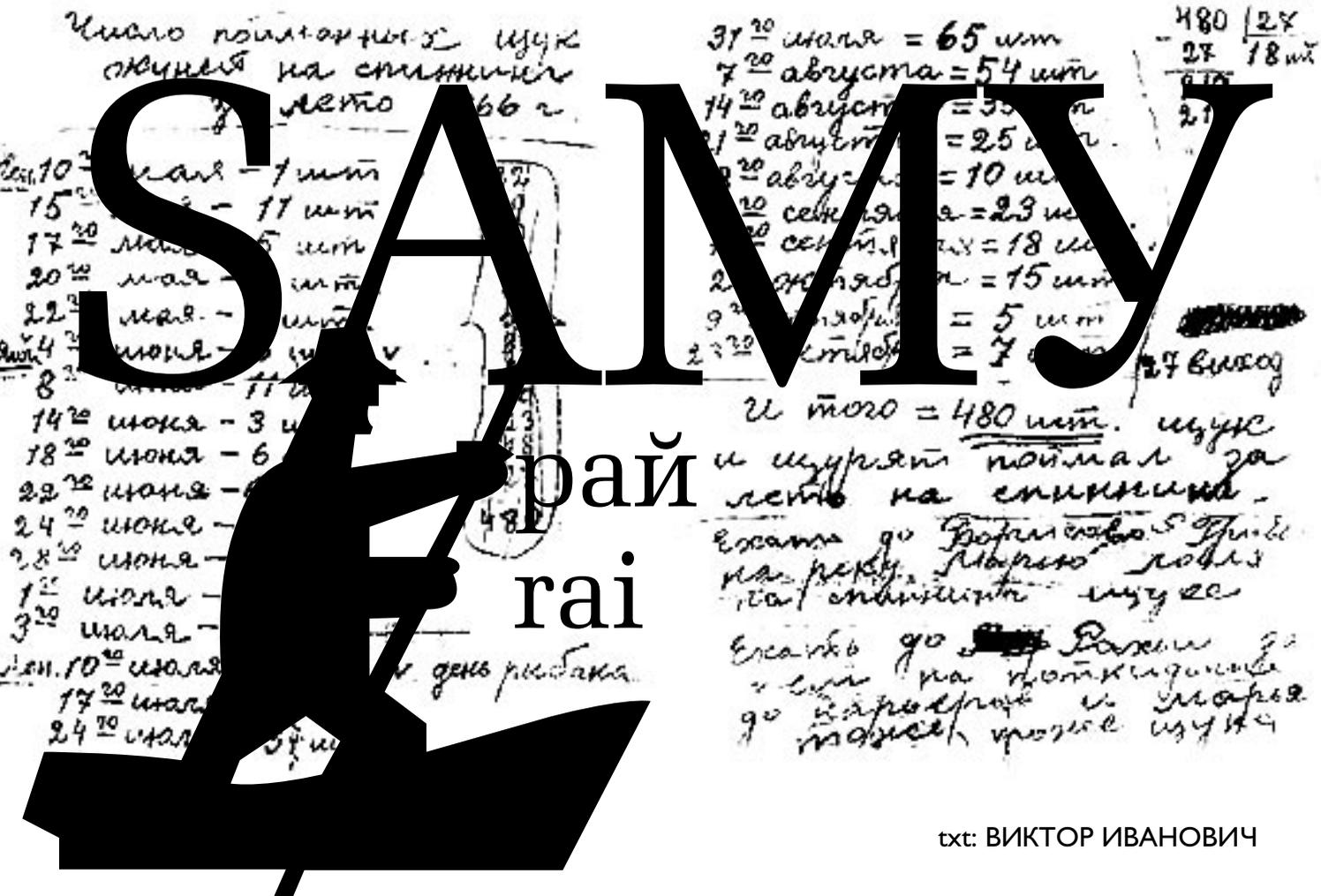
Жмем педали. Были еще встречи. Опять с собаками. Они злились, а мы нет. А потом с куклами, оказавшимися рядом с нашей тропой. Проехали мимо, но решили вернуться. Ох уж эти женщины!

Военный аэродром впереди. На КПП никого нет. Заезжаем. Едем быстро, крутим педали. Дорога на запад. Черный пес перекрывает движение. Дальше нельзя. Возвращаемся, и самолеты выстриваются в обратном порядке. На сегодня хватит.

Когда мы возвращаемся, мы уставшие, мало что замечаем, хотя это так важно – туда и обратно.

Passager_environs_edich_2001

txt: ВИКТОР ИВАНОВИЧ

Теперь про рыбалку...В прошлый раз ты мне задал вопрос, почему в нашей команде было два человека. У нас было так. Статью ты всю прочитал?

Да.

У нас было семь команд от завода "Знамя Октября". В больших цехах в команде было по 5-7 спиннингистов. У нас был маленький цех, где я работал - ремонтно-механический. И в команде было два человека, я и Мухин. Самая маленькая команда, а заняли первое место.

Благодаря вам!

Ну конечно же! Мухин ничего не поймал. У меня 4,600 кг - 5 шук, у него 1 - на 800г. Вместе 5,400 кг. За счет меня конечно, если не скромничать! В остальных командах, кто шуренка, кто - ноль. А дело в чем, день

был солнечный, в солнце щука не берет, берет только утром, рано. У меня техника была отличная, я утром бил, знал, что утром самая рыба! Борода? Знаешь что такое борода?

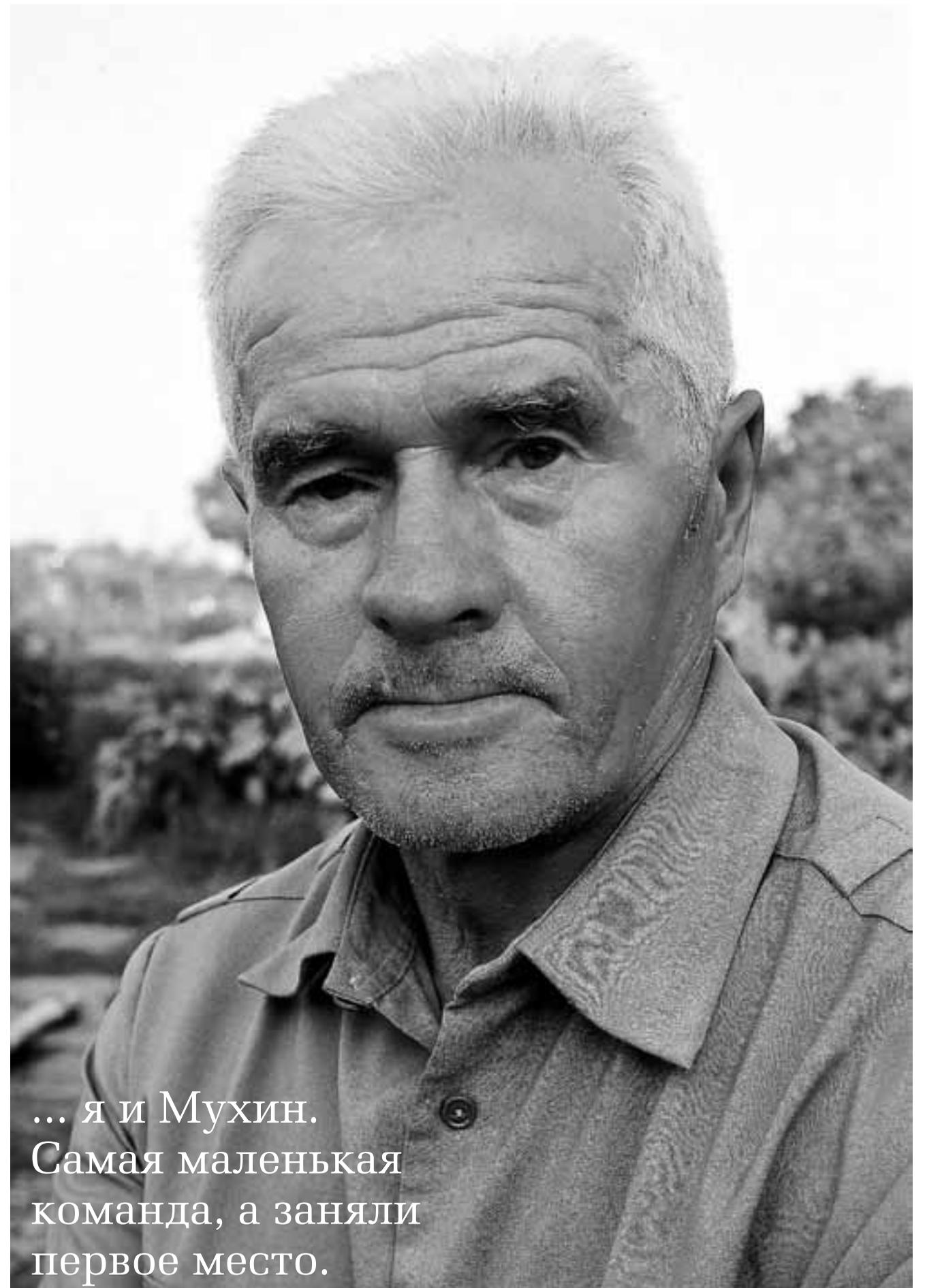
Ну, да.

Я экономил каждую минуту. Хлестал туда, сюда - никакой бороды! Одна, вторая! Хотелось занять первое место! А многие были в командах - первый раз спиннинг в руки взяли.

Ну, отдохнуть приехали! На рыбалку!

Ага! Бросит - борода-а-а! Не топчется. Он даже не знает, что утром можно много поймать! Пока разматывает, настроится... А брало утром часа полтора. Что мне стоит их обловить... А были и хорошие спиннингисты! Человек десять.

Потом я начал на межрайонных

... я и Мухин.
Самая маленькая команда, а заняли первое место.

ное общество. 8 коллективов. 100–110 человек. И здесь я занимал то 2 место, то 3 место. На первенство города с нашего завода брали только меня одного.

Соревнования проводили в рабочие дни?

В основном в субботу и воскресенье иногда и прихватывали рабочие дни. Из районов были: наш – Московский, Петроградский, Калининский.

Кто самый сильный из районов?

Соревнования часто проводили. Иногда наше Московское общество занимало первое место, иногда Петроградское.

Где больше заводов, там сильнее команды рыбаков?

Наверно! Мы между районами как пойдём!.. То мы занимаем, то Калининское, то Петроградское.

Там одни заводы, в Ленинграде заводов-то ой-ей-ей!

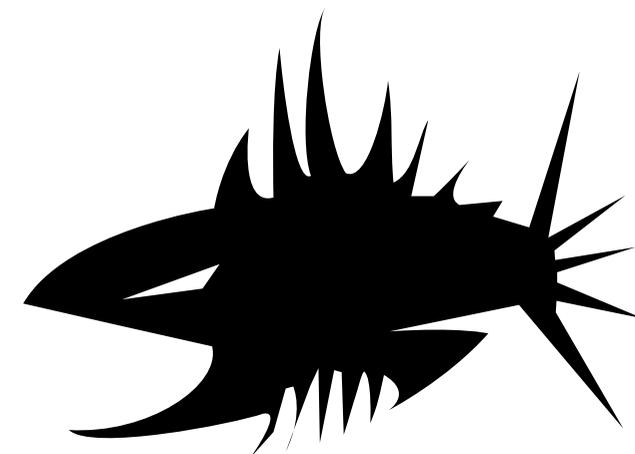
На чемпионате города нас набралось 80 человек.

Где Вы ловили, в каком месте?

Шлюз “Гремучий” на Вуоксе. Шлюз старый финский, вода падает метров с двух. Ближайший населенный пункт в 18 километрах. В Ленинградской сборной ниже первого разряда не было, пять Мастеров спорта.

А сколько вылавливали мастера?

По рыбе мы все время их делали! Ни один Мастер спорта больше меня не выловил. А по дальности у меня 85 метров, а у него 105 метров. На меткость – из 50 возможных – я набирал 45–46 очков, а Мастер спорта – 50. Это на стадионе.

Так нечестно, судить надо все-таки по рыбе!

У нас судья по рыболовному спорту так разбирался: Я считаю спиннингистом того, кто на дальность может на стадионе не ближе 100 метров и на меткость бьет слева, справа и из-за головы! 50 очков из 50 возможных. Вот это – спиннингист! А ловля рыбы это везенье. – Я с ним не согласен. Какое же здесь везенье – это уменьье.

У меня был второй разряд и был чемпионат города Ленинграда, кто в 10 сильнейших войдет, тот получает 1-ый разряд. Человек 80 было и из каждого общества районного 2–3 человека. Из 80 человек я занял 10 место. Получил 1 разряд.

До Мастера спорта чуть-чуть не хватило ?

Сменил я место жительства. Переехали на Софьи Ковалевской, а жили на Зайцева. Мне рядом было тренироваться. Ты на Софьи бывал у нас, меня рисовал. Далеко ездить на соревнования стало. Мне уже стало за 40 лет. Надоело все. И бросил.

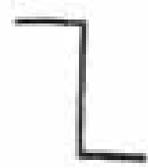
Про узелковое письмо
и кельтский орнамент

KONSERVA ця/тiон

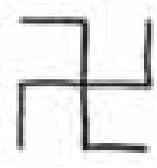
1. Обозначение
Четырех Времен
Года; Четырех Ветров;
Четырех Основных
Точек; Лучей Солнца.

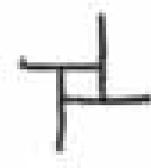
2. Если прибавить
горизонтальные линии
к вертикальным,
получается движение.

3. Три луча солнца,
оканчиваются дополни-
тельными линиями,
обозначают движение
("Филфот").

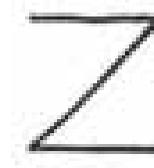
4. Свастика. Указывает
стороны света
движением слева
направо. Знак Солнца.

5. Другая форма
Свастики. Движение
слева направо. Символ
Солнца.

6. Четыре луча,
исходящие из круга
или кольца. Солнце
с лучами. Сравните с
рис. 18

7. Похоже на рис. 2,
но горизонтальные
линии гораздо
заметнее вертикальных.

8. Еще одна форма
Свастики, полученная
от рис. 7, обозначает
движение.

9. Двойной топор
Крета, производная
от рис. 7, только
концы соединены.

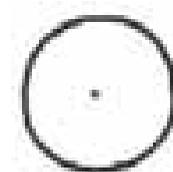
10. Цифра "8",
производная от
рис. 9. Вместо двух
треугольников
использованы два круга.
Отсюда - "S-образная"
кривая или наоборот.

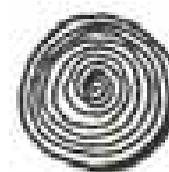
11. Одинарная "S-
образная" кривая.
Один из самых важных
элементов кельтского
орнамента.

12. Китайский символ
"Ян-Инь". Интересно,
что подобный узор,
называемый "Кельтская
Розетка", найден на
многих кельтских
каменных крестах.

13. Круг с центром,
обозначает движение.

14. Круг с центром, из
которого развивается
спираль, обозначает
водоворот или вихрь.

15. Двойная спираль,
производная от рис. 14.
Водоворот и вихрь.

16. Круг с изогнутыми
лучами, показывает
движение слева
направо. Солнце идет
по небу. (комбинация
рис. 4 и 13).

17. Производная от
рис. 12. Изогнутые лучи
показывают движение.
"Кельтская розетка".

18. Египетский
символ Солнца или
символ Колеса. Это
комбинация рис. 1 и
рис. 13

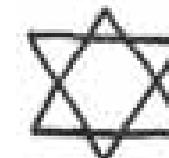
19. Двойная S-образная
кривая, помещенная
в круг. Знак Солнца.
Символ движения.

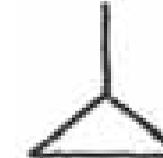
20. Изогнутая форма
Свастики. Сравните с
рис. 4

21. Два символа
кельтского орнамента.

22. Щит Давида.
Производная от рис. 9

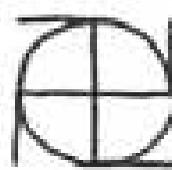
23. Треугольник с
вертикальной линией.
Египетский символ.

24. Два Священных
Треугольника. Сравните
с рис. 9

25. Крест Тау,
присутствующий в
кельтских узорах;
обозначает Мудрость.

26. Круг с изогнутыми
лучами, производная
либо от комбинации 4
и 13, либо от 16 и 18

ПРАВИЛА ИГРЫ

txt: DAENE SIDHE

Кельтские узлы и орнаменты имитируют плетение корзин, кос, тканей. Стоит вспомнить, что колдовская работа зачастую тоже напоминает плетение - многие ведьмы видят энергетические потоки, как нити и манипулируют ими. Следует, однако, учесть, что кельты верили в то, что дух человека это частица мирового Духа. Что через множественность жизней, смертей и возрождений, человек проходит путь к божественному совершенству. Кельтские орнаменты составлены из отдельных узлов. Каждый узел создается из одной единственной нити - нити жизни. Таким образом, узлы и орнаменты символизируют Путь и являются одновременно символическими картами Пути. Кельты запрещали усовершенствовать ключевые детали орнаментов, считая их данными богами. Как форма искусства кельтские орнаменты достигли вершины в ранних христианских рукописях, созданных монахами. Монахи использовали орнаменты для помощи читающему во внутреннем поиске духовности. Наиболее распространенная форма орнамента в рукописях - лабиринты. Лабиринт - символическое отображение жизненного пути. Кельтские лабиринты ведут к центру - духовной концентрации живых энергий. Они - символ непрерывности и выражают связанность всех вещей во вселенной. Как средство медитации, лабиринты указывают маршрут к источникам Силы. Широко известные кельтские кресты зачастую в своем оформлении имеют много сходств с лабиринтами. Самые ранние кресты были простыми камнями крестовидной формы и находятся, в основном, в Ирландии и Северной Умбрии. Сам крест является универсальным древним символом союза небесных и земных сил, мужского и женского начала. Концы кельтского креста символизируют бесконечное

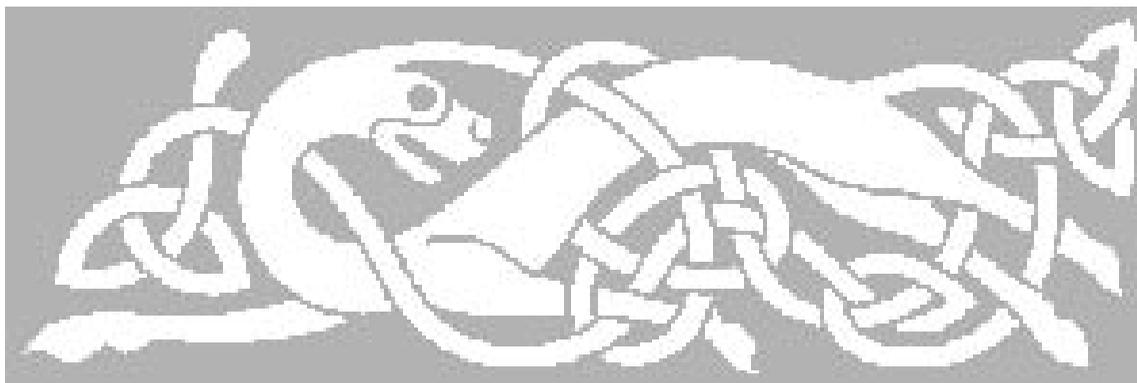
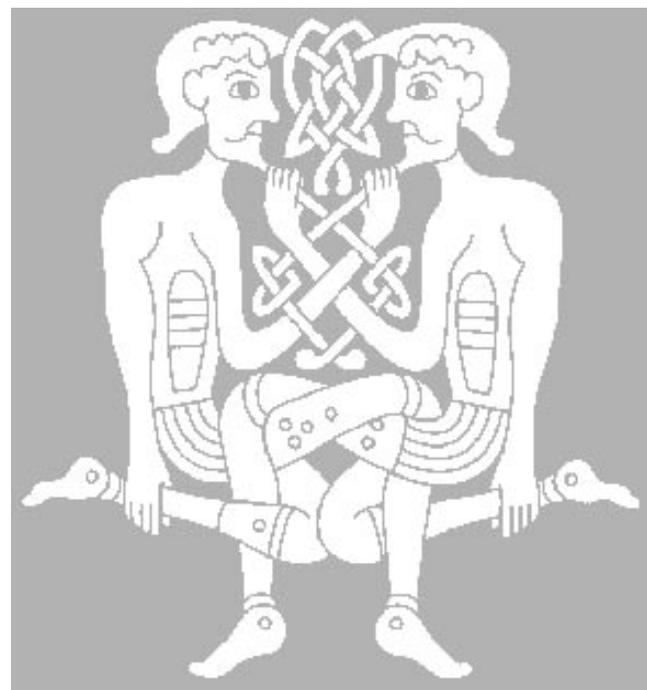
С ними можно
играть часами

духовное расширение сознания. Внутренний круг символизирует объединение и консолидацию земных и небесных сил в центральной точке, источнике духовной энергии. Спирали символизируют духовный рост. Кельтские спирали обычно тройные. Это демонстрирует тройственную природу духа, сконцентрированную в центральной точке, фокусе. Тройственность духовной природы выражена христианами в их божественной Троице. Классические кельтские плетенки, воспринимаемые как обычное украшение и окантовка сложных орнаментов, символизируют Путь, земной и духовный. Мастер, создавая узор в ознаменование какого-то деяния, мог в плетенке заложить "запись" не только о том, сколько героев приняли участие в свершении, каков был их путь, но и кто, какие силы помогли или препятствовали героям. Птицы - небесные послынные, символы свободы и трансцендентности, символы духа, освобожденного от земных связей и общающегося с небесными силами. Возвращаясь на землю, они приносят весть богов - прорицания и указания. Птицы помогают смертным в их духовных и земных путешествиях. В кельтской традиции ворон - птица конкретных предзнаменований. Голуби - птицы духовной жизни, любви и духовного благосостояния. Фазаны - птицы прорицания вообще, помогают прорицателям. Куропатка - птица хитрости. Утка - мост, соединяющий живительные силы земных вод с океаном небесных сил. Цапля - птица бдительности. Заяц был священным животным кельтов, символом процветания, изобилия, хорошей жизни. В духовном плане заяц представляет рассвет, возрождение, бессмертие Духа. Это животное посвящено лунным богиням, властительницам и пряхам судеб. Заяц - небесный послынный, посредник между смертными и богами.

Но он также великий обманщик, обладающий силой трансформировать, изменять события и вещи. Петли заячьих следов на снегу читались кельтами как предзнаменования грядущих событий, рисунок узоров судьбы. Более всего заяц связан с Остерой или Естерой (Астарту, Иштар??), Богиней Весны, чье празднество возрождения жизни 11 апреля послужило основой созданию христианского праздника Пасхи (Easter).

Древние кельты приписывали змеям целительные силы. Живущие в глубинах Матери-Земли, они должны обладать знанием ее волшебных сил. Змеи приносят это знание на поверхность, чтобы Бригантия, Сируни и другие богини-целительницы могли их использовать. Вода священных источников, рек и озер насыщена живительной силой Земли. Волнообразные движения змей и приверженность многих из них к влажным местам очевидно связали их с водной стихией. Змеи, однако, не только защитники здоровья, но и символы глубин мудрости. В этом качестве они часто изображались на украшениях королей и жрецов. Меняя кожу каждый год, змея становится еще и символом регенерации, возрождения, возобновления жизненной энергии и духовной стойкости.

Одиноким, дикий, не поддающийся приручению, олень был главным солнечным животным кельтов. Рога, спадающие и вырастающие вновь каждый год, символизировали священное Древо Жизни, вместилище космических сил, центра, от которого распространяется и возобновляется жизнь, источник духовного возрождения и перерождения. Как символ избытка, процветания и мужества, рогатый олень представлял мужскую сторону баланса природы и был священным животным Рогатого Охотника. Великий Рогатый сам часто принимал облик белого оленя. Белый олень, сам бог, или его посланник, часто

в кельтских легендах служит проводником герою в поисках волшебного.

Лошадь - символ Эпоны и Махи, кельтских богинь плодородия. Эти две богини покровительствовали конюшням и всем тем, кто работал с лошадьми. Как защитницы природы, они давали смертным пользоваться землей для своих нужд, не позволяя, однако, захватывать слишком большие территории в ущерб дикой природе. Для этого они охраняли вспаханные и возделанные земли, способствуя изобилию, защищая урожай. Обе богини связывались с целительными источниками и в таких местах археологи находят немало резных изображений лошади. Как богини плодородия и материнства, Эпона и Маха сопровождали и защищали смертных от рождения до смерти в течение всей жизни.

Вдоль побережий, мест обитания древних кельтов, стоят камни со стилизованными изображениями дельфинов, посвященных богине Nehalennia, "Указывающей Путь". Как Богиня-Покровительница, она дает защиту путнику и на земных дорогах и после смерти. Кроме того, она представляет изобилие Матери-Земли, обеспечивая процветание людей, и часто изображается с Деревом Жизни и Рогом Изобилия. Ее силы воплощены в дельфинах, воронах и собаках. Дельфины - проводники души через воды Океана к Священному Острову

(продолжение следует)

Рисунок прежде всего информативен.

фото photo GR АРН

txt, graphics, photo: МАХ

О МОНСТР

... Картинка за картинкой, текст – получается комикс. Допустим стоит задача нарисовать комикс в классической манере. Не сам комикс, а манера рисунка должна быть классической. И сделать это очень качественно. Музейная графика XIX века – хороший тому пример. Как сочетать комикс с подобным рисованием? Я не имею права рисовать комикс подобным образом. Комикс – это что-то быстро нарисованное, рубленое. *Pin-up*, эротический комикс, приближен к классическому рисунку, но по сути все равно остается грубой иллюстрацией.

На выставке Серова обратил внимание на альбом рисунков и акварелей, посвященный коронации Александра III. Фактически он выполнил задачу, о которой ты говоришь. Классическая акварель, отмывка.

Ты меня правильно понял. Я об этом. Но у нас мало кто умеет рисовать. Как рисовал Серов. Может это никому и не нужно.

Но это захватывает. Обиций визуальный фон, окружающий нас совсем другой. И твои эскизы к компьютерной игрушке выглядят пришельцами с чужой планеты.

Был заказ, люди хотели сделать что-то новое. Заказчик попросил развить тему, подумать.

Про монстров?

Да эскизы к игрушке ... Рисунок прежде всего информативен. В рисунках есть информация. В иллюстрациях к детской энциклопедии ее нет. Там нет художника. В *anime* есть художник, там есть стиль, свой язык, самораскры-

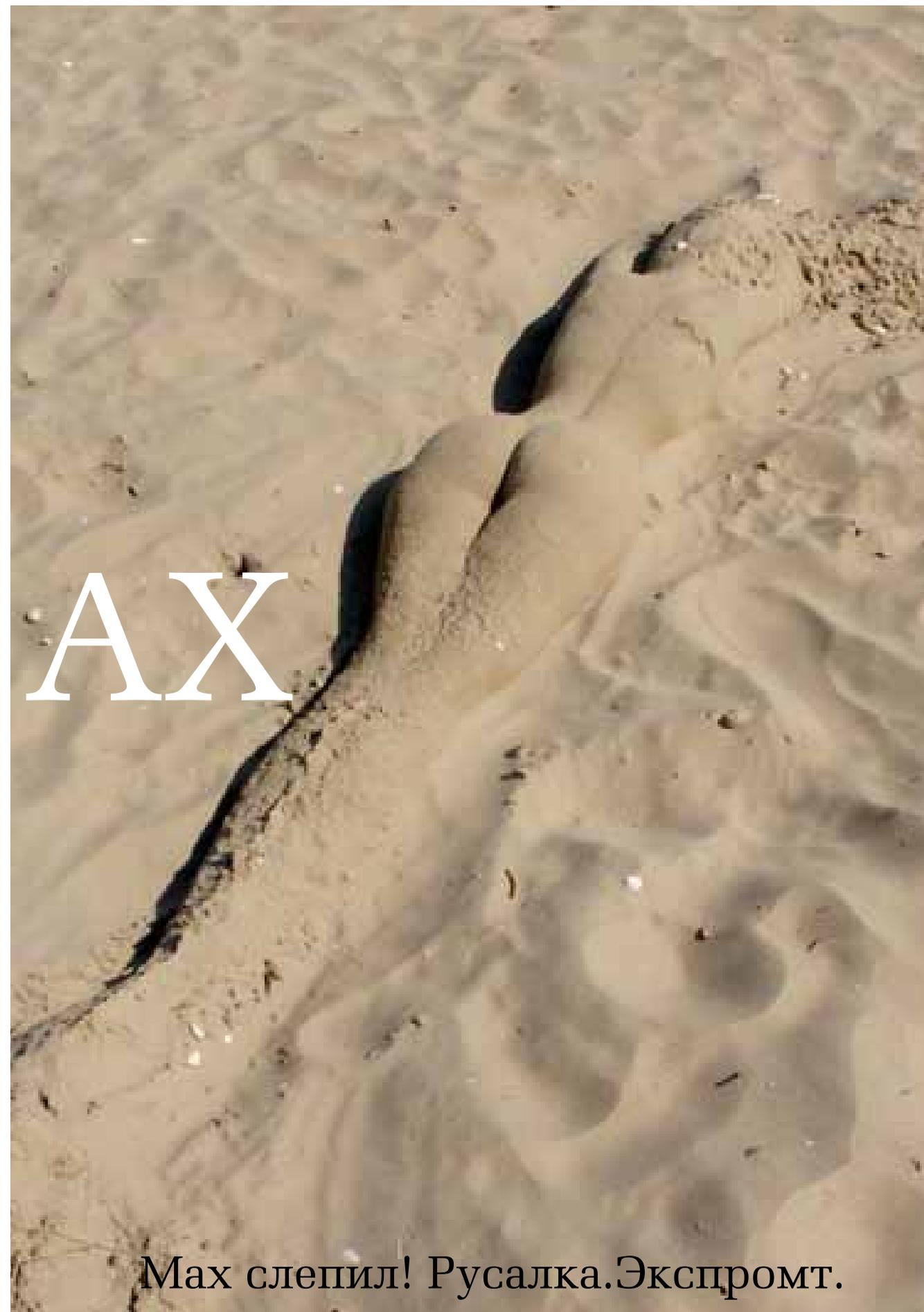
вающаяся программа.

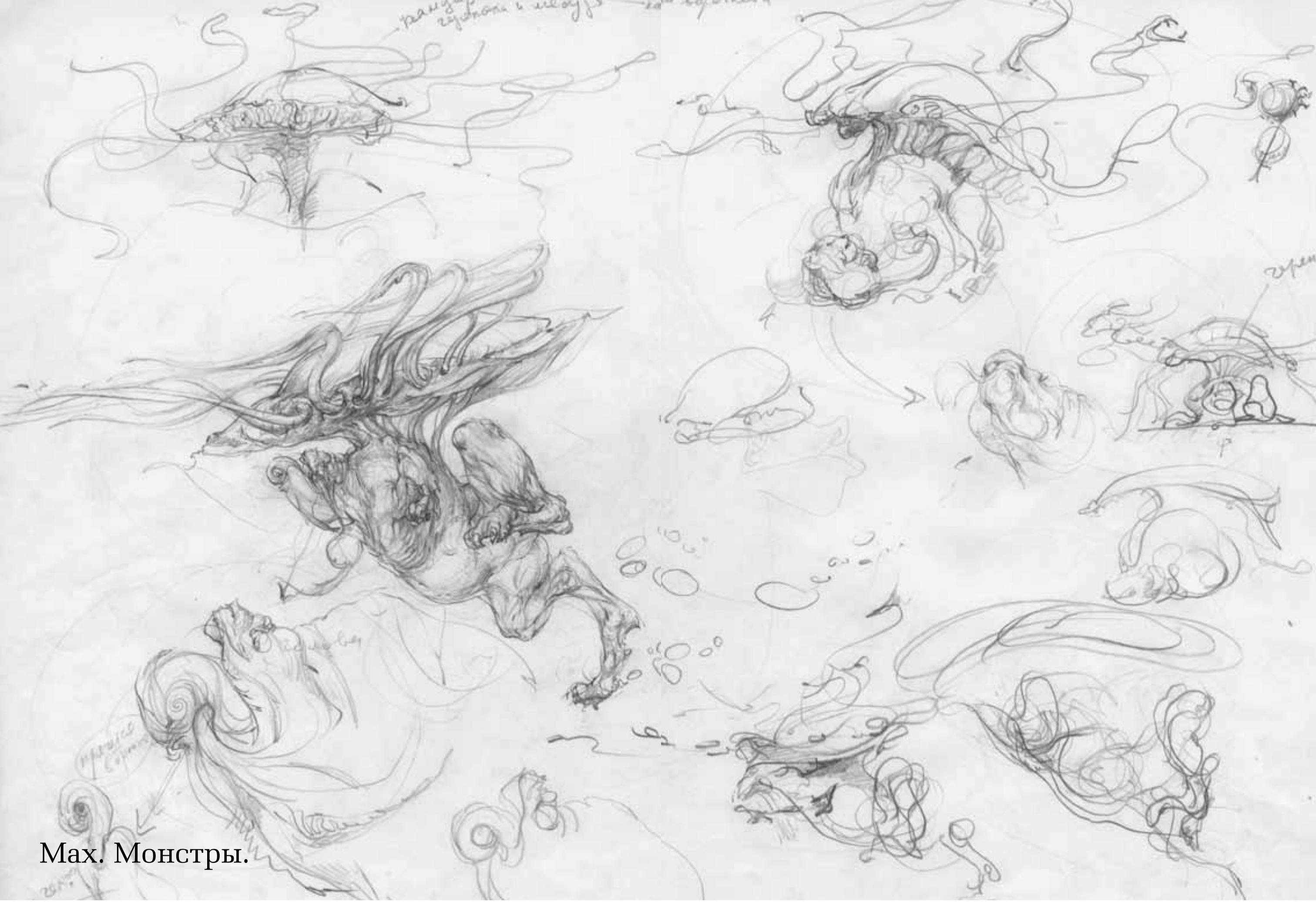
Рука для художника главное. Под эту руку можно брать тему, задачу. Я знаю, у меня есть рука, ты мне ставишь задачу – я рисую. Одно выливается из другого. В любом случае эскиз строится на человеческой гармонии.

Каждый твой монстр это человек, в нем живут те же гармонии. Он гармоничен сам по себе. Внутри. Сделан по тем же классическим канонам что и музыка, и архитектура.

Цифры одни, они у всех одинаковые. И твой монстр – монстр только внешне, а на самом деле наше отражение. На большие мы не способны, мы просто люди. Так?

Есть семь нот. Это самое главное. И музыка, которая у кого-то получается. Ты придумал восьмую ноту – и это уже не музыка.

Мах. Монстры.

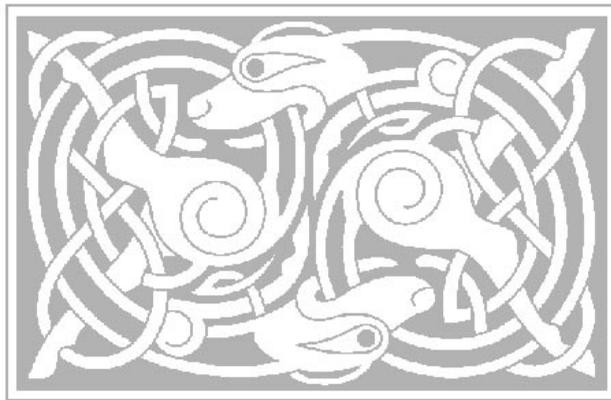

Мах. Монстры.

Мах. Монстры.

III Beauty

ПРО УЗЕЛКОВОЕ ПИСЬМО
И КЕЛЬТСКИЙ ОРНАМЕНТ
(продолжение)

и представляют духовное очищение. Вороны предсказывают опасность и требуют быть настороже. Собаки - символ верности, защиты и осторожности. Собаки защищают дорожную землю. Путник, оказавшийся в лесу или незнакомом диком месте может чувствовать себя в безопасности, устроившись на ночлег на краю дороги - никакие враждебные волшебные силы не посмеют тронуть того, кто находится под защитой собак Богини. Nehalennia часто связывается с таинственными силами жизни и целительными свойствами океанов, рек, священных родников.

Рыбы - символ Высшей Мудрости и прорицания. Морские рыбы, свободно путешествующие в океанских глубинах, были когда-то священными спутниками Владыки Мирового Океана - Лиира. Упоминаний об этом боге почти не сохранилось. Это самый древний из богов, самый старший. Океан, владыкой которого он был, это не вода, покрывающая большую часть планеты, а безбрежность Космоса. Земной океан лишь символизировал просторы Вселенной. Кроме рыб Лиира сопровождал альбатрос - его священная птица. Альбатрос символизирует вечное движение к совершенству и поиск божественной мудрости.

Различные формы драконов существуют во многих культурах. Греческое слово дракон по некоторым источникам означает "видеть несомненно, ясно".

Т.е., возможно, драконы - видящие истину. Драконам, действительно, приписывается дар прорицания. Крылатый змей кельтов - Дух-Защитник, соединяющий небесные и земные силы для создания защитного покрывала Планеты. В этой роли драконы являются стражами врат в иные миры, охраняя землю и ее жителей от вторжения враждебных сил. Они же защищают источники знания и пророческой мудрости от вторжения непосвященных. Их часто изображают в виде стилизованных спиралей и лабиринтов. Логова Драконов - священные места, источники энергий земли и места обретения духовной силы. Часто священные каменные круги Британских Островов обозначали именно такие места. В геральдике драконы символизируют независимость, мудрость и лидерство.

Священное дерево символизирует духовную энергию, жизнь и мудрость. Одиноко стоящие деревья имели для кельтов особое значение, являясь земным воплощением сакрального Древа Жизни. Священное дерево и ритуалы, совершаемые в тени его кроны, давали новые жизненные силы, долголетие, способствовали духовному развитию. Это символ щедрости Земли. Древо Жизни пьет своими корнями священные воды жизни из сердца Матери-Земли. Раскрывая ветви своей кроны в небесах, оно обеспечивает связь между всем сущим, соединяя Небо и Землю. Этот союз создает священное место духовной силы и мудрости, средоточие силы народа, источник магии. Около таких деревьев часто воздвигались стоячие камни и каменные кресты. Впоследствии на этих местах Силы часто строились христианские церкви.

Листья, часто включаемые в кельтские орнаменты, символизируют силу конкретных пород деревьев и помощь богов, которым эти деревья посвящены. Поскольку культ деревьев был развит и весьма сложен у кельтов, символика листьев и плодов требует отдельного рассмотрения. Котел в кельтской мифологии - символ вдохновения и знания, а также источник трансформирующих, преобразующих и возрождающих сил. Магия Священного Котла стирает границы между человеком, животным и божеством. Любая форма может преобразоваться в любую другую посредством этой магии. Хранительница Котла - Серридвен, богиня преобразования, метаморфоз. Кельты знали о бессмертии Духа и возможности его возрождения, как в физическом плане существования, так и в духовном. Священным животным Серридвен был кабан - символ богатства, гостеприимства и праздника.

Дочь Дагды, отца богов, Бригантия очень важное божество у кельтов. Бригантия - солнечная богиня и ее стихии - свет и огонь. Поскольку она также Богиня-Целительница, она связана с водой и змеями. Змеи обладают тайным знанием, а вода - источник жизни. Поэтому святилища Бригантии часто расположены у священных источников. Туда приходили беременные женщины, чтобы получить помощь Богини в родах. Многие реки в мире кельтов носят различные формы ее имени, свидетельствуя о ее связи с водой. Будучи владычицей всех форм огня, Бригантия покровительствует кузнецам, защищает домашний очаг и наказывает пожаром. Духовный свет - тоже ее стихия. Поэтому она - муза для музыкантов, поэтов и всех творческих людей. Ее имя означает яркость, сияние света.

Близнецы или пара - один из важнейших символов кельтской мифологии. Это - союз мужского и женского начал, дарующий новые жизни и сохраняющий динамический баланс в природе на пути эволюции. Это священный союз небесных и земных сил, который дает мир и гармонию, благословение земле и людям. Божественная пара представляет собой двойственность природы, партнерство, единение, в котором каждый партнер сохраняет свою независимость в общем равновесии. Символы, связанные с божественной парой - рог изобилия, ковш, плоды, цветы, сосуды с вином и животные. Все это - эмблемы изобилия и благосостояния.

video sound ДОРОГИ

Музыка кореи korea_pop_musik.m3u

April 2005

-BLENDWERK-

die gesellschaftstherapie

Die Turbinen die uns das Licht erzeugen, werden einmal stillstehen, zerbrechen oder auf andere Weise ihren Willen zeigen. Das Wasser ist auch nicht in unserer Hand, sondern in einer größeren Zeit.

Hans Henry Jahnn. Die Nacht aus Blei

GUEST fan
zine
© netzblendwerk.pdf